

— Ой! Прошу прощения!

В теплых объятиях было так уютно, что Е Линьфэн невольно загрезил наяву. Спohватившись, он поспешно высвободился и, едва коснувшись ногами земли, расплылся в подобострастной улыбке.

— Благодарю вас, Янькун... за то, что проводили меня.

«Едва не сорвалось! Чуть не ляпнул "Почтенный"», — пронеслось в голове.

Линьфэн неловко почесал затылок. Обращаться к такому человеку просто по имени казалось странным — он ведь не какой-то простолюдин без капли духовных сил, чтобы пренебрегать приличиями. Но и выспрашивать настоящее имя сейчас было бы верхом дерзости.

— Послушайте, Янь... Янькун?

Тот толкнул дверь и указал внутрь, явно не собираясь заходить.

— Отныне это твои покои. Если что-то понадобится, просто позови слугу... Что не так?

— Могу я называть вас как-нибудь иначе? — Е Линьфэн постарался придать лицу выражение предельной искренности, разве что глаза не заставил сиять. — Простое именование не в силах передать всё то благоговение, что я испытываю перед вами.

— Вот как? — Янькун едва заметно улыбнулся и склонил голову, словно сойдя с изысканного полотна. Голос его звучал чисто и мягко, без тени высокомерия или капризности. — И как же ты хочешь меня называть?

Е Линьфэн подавил подступившую тошноту от собственного приторного тона. Риск получить затрепину от мастера такого уровня, способного щелчком пальцев стереть в порошок сотню таких, как он, был велик. Если бы не Божественная книга, в которой черным по белому говорилось, что Янькун обожает лесть своей внешности, Линьфэн ни за что бы не осмелился на подобную наглость.

— Янькун... красавец? — прошептал он, замирая.

Взгляд Янькуна на мгновение замер на юноше. Он прищурился, и на губах заиграла улыбка — загадочная, манящая и в то же время смертельно опасная. В следующее мгновение он шагнул вперед, сокращая расстояние до минимума. Они оказались так близко, что почти соприкасались лбами.

— Прелестно.

Холодный пот градом покатился по спине Линьфэна. Впервые в жизни он осмелился на флирт, да еще и с кем! Однако из-за сковавшего его напряжения и невозможной близости он не заметил, как взгляд Янькуна на долю секунды метнулся куда-то в сторону. А затем тишину разорвал мелодичный смех, и Линьфэн наконец-то смог вздохнуть с облегчением.

— А ну-ка, скажи еще раз. Погромче.

— Красавец Янькун, — послушно повторил Линьфэн, едва не прикусив язык. «Боги, как же трудно к этому привыкнуть...»

— О-о-о! — Янькун так и расцвел. — Ну, а мне как тебя величать, пригожий мой младший братец?

Линьфэн вздрогнул. Чего это он вдруг заговорил так громко?

— Зовите меня просто Линьфэн. Линьфэн, что означает «подобный ветру в кронах».

«Тьфу, несет же меня! Сказал бы еще "ветер странствий"», — мысленно выругался он.

— Прекрасное имя. Оно тебе очень идет, — Янькун улыбался так нежно и обольстительно, что это граничило с безумием. Он коснулся пальцами щеки Линьфэна, затем скользнул по шее, ниже — к груди...

И не думал останавливаться.

Е Линьфэн замер, напоминая огородное пугало, на которое возложили надежду на весь будущий урожай. Он стоял неподвижно.

«О чем я только думаю? — одернул он себя. — Тут бы не помереть со страху, а не о нежностях мечтать».

— Если Линьфэну что-нибудь понадобится, только шепни. Станет скучно или одиноко — скажи мне, и мы вместе... слепим... снеговика!

«Лучше уж сразу закопай меня в этот снег», — подумал юноша, но вслух лишь радостно закивал, изображая полный восторг:

— Конечно! Обязательно слепим!

От этой фальшивой улыбки мышцы лица уже сводило судорогой.

«Виноват. Глубоко раскаялся. Зря я сетовал на молодого господина Юэ. С ним перебрасываться любезностями — это так, детские забавы по сравнению с этим кошмаром!»

Теперь он понял, что такое настоящий «Почтенный». Это когда тебе хочется рыдать от боли, но ты продолжаешь сиять от счастья.

Они еще какое-то время обменивались бессмысленными фразами — едва до звезд с неба не дошли, как вдруг Янькун резко переменялся. Он перестал касаться юноши, отстранился, и его голос вернул прежнюю холодную интонацию. Бросив ледяной взгляд в сторону, он развернулся и зашагал прочь.

Линьфэн застыл в полнейшем замешательстве. Он лихорадочно соображал, в чем прокололся, и в очередной раз убедился: Божественная книга не лгала — характер у Почтенного Янькуна был непредсказуемый и прескверный.

Когда фигура мастера почти скрылась из виду, Линьфэн спохватился, что так и не сказал главного. Хлопнув себя по бедру, он бросился вдогонку, выкрикивая на ходу: «Красавец Янькун, постойте!»

Нельзя было допустить, чтобы эта встреча закончилась так нелепо. Он ведь даже не изложил цель своего визита.

Через четверть часа.

— Ты говоришь, что хочешь обучиться моей «Технике создания тела-заменителя»?

В просторном зале Янькун вальяжно откинулся в мягком кресле. Его голос, негромкий, но отчетливый, эхом разносился в тишине комнаты, заставляя тонкую струйку благовонного дыма едва заметно дрожать.

Невидимое давление и полное отсутствие тепла в словах заставили Е Линьфэна внутренне подобраться. Перед ним сидел один из десяти великих почтенных, и недавнее кокетство не должно было вводить в заблуждение — этот человек был крайне опасен.

И всё же, преодолевая робость, Линьфэн выпрямил спину и, встретив тяжелый взгляд, твердо подтвердил свою просьбу.

В Божественной книге упоминалось: Янькун презирает трусов и лжецов, а больше всего его раздражает, когда перед ним трепещут, выказывая излишнее почтение его сану.

— Именно так.

И расчет оправдался. Стоило Линьфэну выдержать первый натиск, как выражение лица Янькуна смягчилось. Он улыбнулся, открывая хищную, острую красоту, не имевшую ничего общего с недавней маской.

— Хм. Сам-то еще невелик, а замашки... Ты обманом проник в мое поместье под видом одного из тех, кто согласен испытывать на себе мои снадобья и чары. Не боишься, что я разгневаюсь? Я ведь могу заставить тебя молить о смерти, прежде чем разрублю на куски.

Линьфэн на миг оторопел. «Невелик? Это что он имеет в виду? В каком месте я невелик?» Впрочем, сейчас было не до уязвленного самолюбия.

— Кхм... — он попытался изобразить на лице смесь раскаяния и искренности. — Я вовсе не замыслил обмана. Хотел признаться еще у подножия горы, но кто бы мог подумать...

Янькун ждал продолжения с ироничной полуулыбкой.

Е Линьфэн улыбнулся в ответ — открыто, восторженно, словно само провидение явило ему чудо. Его глаза сияли так ярко, будто он обрел смысл жизни.

— Просто перед тем, как открыть рот, я имел неосторожность взглянуть на Красавца Янькуна. И одного этого взгляда хватило, чтобы слова «изумительный» и «прекрасный» показались мне жалкими крохами. Я потерял дар речи, позабыл, зачем пришел и кто я такой... Всё на свете вылетело из головы.

Книга снова оказалась права. Видя искреннее обожание на лице юноши, Янькун невольно смягчился, и улыбка его стала почти сладкой.

Однако эта мимолетная радость быстро сменилась скептическим вздохом.

— Боек ты на язык. Сразу видно — сынок из знатной семьи, обучен и грамоте, и культивации.

Е Линьфэн ни слова не говорил о своем происхождении, но для практика такого уровня прочесть основы чужой биографии было плевым делом.

— Ты видишь меня впервые, потому и очарован. Проведи ты со мной лет десять или сто — и дня бы не прошло, чтобы ты не проклял тот миг, когда на меня засмотрелся. Тошно бы стало.

Линьфэн мгновенно сообразил: кто-то из старых знакомых Почтенного явно подпортил ему настроение подобными словами.

— Как такое возможно? — пылко возразил он. — Величественные горы и реки год за годом остаются прежними. Деревья зеленеют, цветы распускаются, вода замерзает и вновь течет. Никто не скажет, чем нынешний цветок отличается от прошлогоднего, но разве у кого-то повернется язык сказать, что эта красота может наскучить?

— А ты уверен, что нет таких людей?

Е Линьфэн мягко улыбнулся:

— Если кому-то и наскучили горы да воды, то лишь потому, что ему опостылела собственная горькая доля, в которой день за днем нет ни просвета, ни надежды. Вот он и смотрит на мир через пелену своей скуки.

Когда он замолчал, Янькун, до того задумчиво разглядывавший блики в чаше с вином, резко вскинул голову. Он смотрел с ледяной пронзительностью, впиваясь в юношу.

Прошло немало времени. Линьфэну уже стало не по себе под этим тяжелым взглядом, как вдруг Янькун отвел глаза. Взмахнув длинным рукавом, он выпрямился и коротко бросил:

— Ладно.

А затем, словно про себя, добавил:

— Я тоже думаю, что ему просто жить надоело.

Линьфэн замер. «Постойте... Я что, только что подписал кому-то смертный приговор?»

Видит бог, он не желал зла! Он лишь хотел сказать, что несчастные люди не замечают красоты... Откуда ему было знать, что Почтенный Янькун истолкует это так радикально: раз ты не считаешь его прекрасным, значит, твоя жизнь лишена смысла и ее пора оборвать?

«О горе мне... Кто бы ни был тот несчастный, разгневавший мастера, пусть земля ему будет пухом...»

— Ты мне нравишься, — Янькун решил больше не испытывать его на прочность. — Я обучу тебя технике. Она куда искуснее тех подделок, что ходят в миру. Но раз уж я привел тебя сюда для испытания новых лекарств и заклятий, изволь исполнить свою часть уговора сполна.

— Премного благодарен, Красавец Янькун! — Линьфэн просиял и отвесил глубокий поклон. — Обещаю во всём содействовать и не выказывать ни тени недовольства!

— Пф-ф, — Янькун презрительно фыркнул и негромко пробормотал: — Если бы у Кое-кого язык был хоть на десятую долю таким же сладким...

«Кое-кого? Тот самый бедолага, который еще жив, но скоро испустит дух?» — подумал Линьфэн.

Заметив его вопросительный взгляд, Янькун приподнял брови:

— Что? Есть еще вопросы?

Почувствовав на себе взгляд, обещающий немедленную расправу в случае лишнего любопытства, Линьфэн вздрогнул. Он замахал руками и, натянуто рассмеявшись, поспешил сменить тему:

— Я тут подумал... Красавец Янькун, вы... хм... вы всегда так несете на руках тех, кто приходит испытывать ваши снадобья?

Мастер усмехнулся:

— Вовсе нет.

— А-а... — Линьфэн понимающе кивнул.

— Раньше я использовал полет на мече, — пояснил Янькун. — Но эти никчемные создания... Один боится высоты, другой заходит в восторге так, что падает в обморок. Вечно приходилось их откачивать. Сплошная морока. Вот я и решил...

«Решили носить их на руках?»

— Решил просто бить их по голове, чтобы в отключке были, и закидывать наверх. Всё равно со мной не разобьются и не испугаются. — Янькун, вспомнив, видимо, эти сцены, негромко рассмеялся.

Так и осталось неясным: кого мастер бесцеремонно швыряет на гору, а кто достаивается чести быть прижатым к его груди. Впрочем, Линьфэну не очень-то и хотелось это выяснять.

— Идем. В хижину алхимии.

Янькун легко подошел к нему и, взяв за руку, повел к выходу. Его пальцы, холодные и гладкие, словно выточенные из нефрита, крепко обхватили запястье юноши, не давая ни шанса вырваться.

Е Линьфэн послушно поспешил следом, стараясь не отставать. Поскольку он еще не вырос до своего полного роста, ему приходилось семенить, чтобы поспевать за широким шагом мастера.

Янькун мельком взглянул на него через плечо. Увидев это живое, забавное существо, напоминающее то ли щенка, то ли лисенка, который, заметив внимание, тут же расплылся в подобострастной улыбке, он лишь хмыкнул.

Уже в дверях хижины алхимии Линьфэн запоздало поинтересовался:

— А что за снадобье вы сейчас готовите?

Янькун одарил его ироничным взглядом:

— Согласился на испытания, даже не зная, что тебя ждет? Не боишься, что я всучу тебе яд, от которого ты будешь молить о смерти? Еще не поздно отступить.

Е Линьфэн решительно мотнул головой:

— Я не передумаю!

Яд? Ну и пусть. Яд его не пугал. Если мастер хочет что-то проверить, он не даст подопытному сдохнуть сразу, иначе на ком ставить другие опыты? А если это медленный яд, изводящий тело, так еще лучше.

«Всё равно это тело скоро достанется другому. Если захватчику достанется туша, гниющая заживо, — это будет просто великолепный подарок».

Конечно, это были лишь домыслы. В Божественной книге ни словом не упоминалось, чтобы Почтенный Янькун увлекался ядами.

Как выяснилось позже, слова «еще не поздно отступить» были вовсе не шуткой. Это был его последний шанс на спасение.

<http://bllate.org/book/17497/1709449>